

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 1 (13)

САРАНСК
2010

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902

В. В. Ставицкий

V. V. Stavitsky

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

THE PROBLEM OF THE GORODETSK CULTURE ORIGIN

Ключевые слова: происхождение городецкой культуры, текстильная и тычковая керамика, древности аким-сергеевского типа, ранний железный век.

В статье рассматриваются основные концепции происхождения городецкой культуры. Согласно первой концепции, данная культура формировалась на всей территории ее распространения на основе местных племен эпохи неолита и бронзового века. Сторонники второй концепции полагают, что центр формирования городецкой культуры находился в поречье Оки, откуда городецкие племена распространились на территорию Подонья и Саратовского Поволжья. Автор обосновывает точку зрения о сложении городецкой культуры в бассейне Дона.

Key words: the Gorodetsk culture, textile and castellated ceramics, antiquity of the Akim-Sergeevian type, the early Iron Age.

Main concepts of the Gorodetsk culture origin are considered in the article. According to the first concept, this culture was formed throughout the territory where it was spread on basis of local tribes of the Neolithic epoch and the Bronze Age. The followers of the second concept suppose that the center of the gorodetsk culture formation was at the Oka riverside, where gorodetsian tribes extended to the Don region and the Saratov Volga region territories from. The author proves the point of view that the Gorodetsk culture was formed in the Don basin.

Вопрос о происхождении городецкой культуры впервые был поставлен В. А. Городцовым. Изучая Городецкое городище на Средней Оке, он указал на его связь с местными культурами эпохи бронзы. К предшественникам городецкой культуры исследователь относил племена бронзового века, украшавшие свою керамику сетчатым орнаментом [8, с. 201].

В середине 1930-х гг. П. С. Рыков обратил внимание, что на ряде саратовских городищ ниже городецких слоев с рогожной керамикой залегают слои с посудой срубно-хвалынского типа. После этого он выдвинул предположение, что «рогожный» орнамент на городецкой посуде появился в результате трансформации позднесрубного крупнозубчатого орнамента. Как отмечает П. С. Рыков, «теперь он наносился чеканом, без всякой меры и без интереса к орнаментике, значение которой было уже забыто» [13, с. 55]. В итоге П. С. Рыков пришел к выводу, что городецкая культура Саратовского Поволжья сложилась на основе местной срубной культуры [Там же, с. 54 — 55].

Точка зрения П. С. Рыкова впоследствии была скорректирована А. П. Смирновым, по мнению которого ее нельзя было признать верной относительно происхождения всей городецкой культуры, поскольку степная срубно-хвалынская культура не могла стать основным компонентом при сложении лесной городецкой. А. П. Смирнов выдвинул тезис о том, что на территории лесного Поочья в позднебронзовом веке существовала какая-то местная, пока еще плохо изученная культура, которая с юга испытывала влияние срубных племен, а с севера — синхронной культуры нижнеокского населения, в результате чего произошло сложение городецких древностей. Аргументируя свою точку зрения, А. П. Смирнов ссылаясь на «синкретические» материалы поселения, раскопанного П. П. Ивановым на р. Цне на месте Крюковского могильника, где, по его наблюдениям, в едином литологическом слое наряду с посудой, украшенной «рогожными» отпечатками, были собраны керамика срубного облика и ряд кремневых орудий [14, с. 16 — 17]. Однако данные материалы не являются синкретическими. Кремневые орудия, изготовленные на ножевидных пластинах, относятся к мезолиту, «рогожная» и срубная керамика образуют строго обособленные типы, не пересекающиеся между собой, а их совместное нахождение объясняется тем, что культурный слой был перемешан при рытье древнемордовских могил и хозяйственных ям раннего железного века.

Практически одновременно с А. П. Смирновым концепция происхождения городецкой культуры была разработана Н. В. Трубниковой. В ней она фактически объединила точки зрения В. А. Городцова и П. С. Рыкова. По мнению Н. В. Трубниковой, городецкая культура сложилась: в Поволжье — на основе культур позднесрубного времени, а в районе Оки — на основе местных окских культур. При этом местная подоснова в значительной мере определила различия вариантов городецкой культуры. Н. В. Трубникова обосновала и тезис о том, что сложение городецкой культуры происходило в эпоху больших сдвигов в развитии общества и больших изменений в экономической жизни, приведших к необходимости сначала замены существовавших до этого открытых селищ открытыми поселениями на высоких и малодоступных местах, а затем их укрепления [20, с. 90 — 91].

Вскоре точка зрения о срубных истоках городецких древностей была подвергнута критике В. П. Шиловым, к которому присоединился и П. Д. Степанов [25]. Ряд критических замечаний был высказан А. Е. Алиховой при публикации материалов городищ, расположенных на территории Мордовии. В частности, она отметила, что культуры, приведенные Н. В. Трубниковой в качестве основы городецких древностей, настолько различны по уровню развития экономики, а также по приемам изготовления и орнаментации керамики, что вряд ли они могли привести к одним и тем же формам сосудов и приемам орнаментации [1, с. 116].

В статье, вышедшей в один год с публикацией А. Е. Алиховой, Н. В. Трубникова пересмотрела свои взгляды на происхождение городецких древностей и пришла к выводу, что их формирование происходило в бассейне р. Оки на основе памятников поздняяковского типа, в материалах которых в конце бронзового века появилась сетчатая керамика. На территории между Окой, Волгой и Цной распространение городецких древностей, по ее мнению, происходило в результате продвижения в эти области среднеокского населения, которое ассимилировало местные срубные племена [19]. Обновленная концепция Н. В. Трубниковой нашла поддержку у П. Д. Степанова, который объяснял появление хвалынских городищ

на территории Саратовского Поволжья миграцией городецкого населения из бассейна р. Оки [17, с.69].

В 1965 г. вышел Свод археологических источников по городецкой культуре, где А. П. Смирновым и Н. В. Трубниковой в категоричной форме было заявлено, что «генетическая связь городецкой культуры с более ранними культурами края почти не подлежит сомнению» [15, с. 5]. Подобное утверждение, на наш взгляд, было шагом назад по сравнению с обновленными концепциями Н. В. Трубниковой и П. Д. Степанова. По не совсем ясной причине в Своде... была реанимирована дословно процитированная точка зрения Н. В. Трубниковой начала 1950-х гг. об автохтонном происхождении данной культуры на всей территории ее последующего распространения. При этом было продекларировано, что в сложении городецких племен приняли участие практически все ранее существовавшие здесь культуры: неолитические (рязанская и волосовская), фатьяновская, абашевская, срубная, юхновская и бондарихинская [Там же, с. 5 — 7].

Не исключено, что возврат к строго автохтонным позициям происхождения городецких древностей был вызван стремлением А. П. Смирнова усилить свою систему доказательств по крайне спорному вопросу о включении грунтовых древнемордовских могильников в состав городецкой культуры, поскольку он стремился доказать, что их погребальная обрядность имеет глубокие местные истоки, уходящие своими корнями в традиции неолитической эпохи [14; 15, с. 14 — 15]. Интересно, что подобное обоснование происхождения городецких древностей вызвало удивление у М. Р. Полесских, который размашисто написал на полях подаренного ему экземпляра Свода.: «Городецкая культура — конгломерат!?!» [4].

В 1974 г. В. И. Ледяйкин опубликовал статью, посвященную происхождению городецкой культуры, генезис которой он тесно увязывал с происхождением родственных дьяковских древностей, относящихся к единому массиву памятников финно-угорских племен. В статье был обоснован тезис о сложении данных древностей на основе памятников культуры сетчатой (текстильной) керамики, посуда которой имеет аналогичную орнаментацию, но отличается от городецкой своей круглодонностью. Керамика с рогожными отпечатками была отнесена В. И. Ледяйкиным к южному варианту текстильной керамики, памятники которого распространены к югу от р. Оки [9, с. 37 — 38].

При этом В. И. Ледяйкин поставил под сомнение участие в сложении городецких памятников древностей срубной культуры, носители которых сформировались в степных областях и принадлежали к индоиранской языковой группе. Вслед за А. Е. Алиховой им было отмечено, что не только языки, но даже экономический и социальный уклад срубных и городецких племен, сформированный в различных географических условиях, исключают родство и генетическую связь между ними. Элементы срубной культуры в керамическом материале городецких памятников, по его мнению, могли проявиться опосредованно, под воздействием поздняяковской культуры, возникшей в окском бассейне под сильным влиянием срубных племен [Там же]. Точка зрения В. И. Ледяйкина по всем основным позициям была поддержана в диссертационном исследовании В. Г. Миронова, который также пришел к выводу, что формирование городецкой культуры происходило на территории Нижней и Средней Оки в результате контактов и ассимилятивных процессов между поздняяковскими племенами и носителями культуры текстильной керамики. На этой

же основе, по мнению В. Г. Миронова, складывалась и дьяковская культура, население которой вносило определенный вклад в формирование городецких племен [12, с. 7].

В 1979 г. была опубликована статья А. В. Циркина о происхождении городецкой культуры в Мордовии. Автор, используя местные материалы, предпринял попытку найти новые аргументы в пользу устаревшей точки зрения А. П. Смирнова об автохтонном происхождении городецкой культуры на основе местных неолитических культур при активном участии пришлых племен эпохи бронзы и культур раннего железного века [24, с. 82]. Система доказательств А. В. Циркина была основана на наличии в нижних слоях ряда городецких поселений материалов местных культур неолита и бронзового века, а также на отдельных общих чертах в их керамических традициях. При этом А. В. Циркин проигнорировал наличие значительного хронологического разрыва, который имелся между культурами эпохи неолита, бронзового и раннего железного века.

Вопрос о происхождении городецких древностей вновь был поднят В. И. Вихляевым при анализе материалов Новошшеневского городища, где он отметил сохранение некоторых поздняяковских черт в орнаменте и форме двух новошшеневских сосудов при общем преобладании городецких признаков. На этом основании был сделан вывод о том, что ко времени начала функционирования Новошшеневского городища процесс восприятия племенами с «текстильной» керамикой поздняяковских элементов завершился. Следовательно, Новошшеневское городище возникло тогда, когда поздняяковская культура в Примокшанье уже перестала существовать, и ранние городецкие памятники здесь являются более поздними, чем в Поочье, где прослеживаются непосредственные контакты племен с «текстильной» керамикой и поздняяковской культуры [6, с. 207].

Более существенную роль в сложении городецких племен Примокшанья, по мнению В. И. Вихляева, сыграли носители памятников с тычковой керамикой. Следы их активного контакта с населением городецкой культуры прослеживаются на всех ранних городищах Примокшанья: Каргашинском, Казна-Пандо, Пургасовом, Теньгушевском, а наиболее ранние подобные контакты были отмечены исследователем в материалах Новошшеневского городища, о чем свидетельствует отсутствие на «текстильных» и псевдорогожных сосудах орнамента, выполненного тычками. В заключение В. И. Вихляев пришел к выводу, что городецкая культура в Примокшанье сформировалась в результате активных контактов и ассимилятивных процессов между собственно городецким населением, пришедшим сюда, скорее всего, с поречья Оки, и племенами, оставившими памятники с тычковой керамикой, которые проживали на этой территории в конце эпохи бронзы — начале раннего железного века [Там же].

Проблема участия в формировании городецких древностей племен поздняяковской культуры была детально проанализирована в одной из последних статей В. Г. Миронова [11, с. 74 — 75]. Им было отмечено, что на керамике городецких памятников Поочья и Примокшанья прослеживаются отдельные элементы поздняяковского воздействия: совпадение некоторых типов и форм посуды, особенно баночно-вазообразных сосудов с легкой выпуклостью тулова в верхней трети при прямом или слегка отогнутом венчике (они найдены в наиболее ранних слоях городецких памятников); орнаментация таких сосудов «жемчужинами» или сквозными проколами по шейке, примесь дресвы в тесте; определенное сходство в керамических грузилах и грузиках; значительное совпадение в территории размещения раннегородецких и поздняя-

ковских памятников в бассейне рязанского течения Оки; отдельные сходные черты и детали в устройстве наземных и полуземляночных жилых сооружений [Там же]. Тем не менее, по мнению В. Г. Миронова, для того чтобы видеть в поздняяковской культуре подоснову городецкой и выводить из нее происхождение городецких племен нет достаточных оснований, поскольку нельзя игнорировать определенный хронологический разрыв между ними [Там же, с. 74].

В итоге В. Г. Миронов пришел к выводу, что непосредственной основой как дьяковской, так и городецкой культуры является переходная от поздней бронзы к раннему железному веку культура сетчатой (текстильной) керамики. Кроме того, исследователь отметил, что прямое участие в сложении городецкой культуры приняли и носители «тычковой» керамики. По его мнению, формирование городецкой культуры происходило в двух центрах: в междуречье Теши—Оки—Волги данные процессы протекали на основе памятников прагородецкой текстильной керамики, а в среднем Поочье (с достаточно быстрым распространением на Верхний Дон) — на основе псевдорогожной керамики, преобладавшей здесь на раннем этапе над сетчатой и гладкостенной [Там же, с. 75].

Однако на основе радиоуглеродного датирования слоев с псевдорогожной керамикой на окских городищах Б. А. Фоломеев установил, что подобная керамика неизвестна в ранних слоях указанных городищ и появилась здесь не ранее VI в. до н. э. [21], что исключает возможность формирования городецкой культуры одновременно в двух центрах.

Таким образом, на сегодняшний день, по мнению большинства исследователей, формирование городецких древностей происходило в поречье Оки в результате взаимодействия носителей текстильной керамики и населения поздняяковской культуры. Носители тычковой керамики принимали участие в данном процессе только на территории лесостепной зоны, и это наложило отпечаток на облик городецких древностей данной территории.

Участие носителей культуры текстильной керамики в формировании городецких древностей не вызывает сомнений, поскольку именно в их среде происходило сложение орнаментальных традиций городецкой культуры. Менее очевидным нам представляется участие в данном процессе племен поздняяковской культуры. В частности, В. Г. Мироновым уже отмечался тот хронологический разрыв, который имелся между поздняяковскими и городецкими древностями. Судя по последним данным, этот разрыв был еще более существенным. По радиоуглеродным датам, полученным с поздняяковских памятников, время их существования укладывается в интервал XVI — XIII вв. до н. э. [18, с.45], что значительно удревает время их существования в сравнении с ранее принятыми датировками, основанными на аналогах металлическим поздняяковским изделиям в материалах других культур.

Кроме того, вопреки мнению ряда исследователей, поздняяковские традиции не получили развитие в культуре поздней сетчатой керамики. Прежде всего это касается погребального обряда подкурганного захоронения умерших, который характерен для поздних поздняяковских могильников, поскольку для культуры сетчатой керамики были присущи грунтовые захоронения. Не получил развитие на памятниках с сетчатой керамикой и поздняяковский набор металлических изделий, восходящий к срубной металлургической традиции. Не наблюдается преемственности между плоскодонной поздняяковской посудой баночных и остроруберных форм и

горшковидной круглодонной посудой сетчатой керамики, и только жемчужная и ямчатая система орнаментации сближает данные керамические традиции.

Однако жемчужные и ямчатые вдавления достаточно широко распространены также на аким-сергеевской и атабаевской посуде, которая значительно ближе к сетчатой керамике. Довольно близкие параллели между данными группами керамики отмечаются и по формам сосудов — это наличие горшковидных круглодонных сосудов, имеющих венчики с бортиком, украшенным оттисками зубчатого штампа.

Следует отметить, что на поселении аким-сергеевского типа Шаверки 2 часть сосудов имеет желобчатые венчики, характерные для сетчатой керамики. Их появление можно было бы объяснить влиянием носителей сетчатой керамики, однако на данном памятнике не найдено ни одного фрагмента с сетчатым орнаментом [7]. То же самое относится и к круглодонности ряда сосудов Шаверского и Шокшинского поселений. Довольно тесно аким-сергеевские признаки переплетаются с сетчатыми на посуде поселения Красный Восток [16, с.127 — 129]. Гибридный облик имеет часть аким-сергеевской керамики Алферьевского поселения и Пензенских стоянок, на сосудах которых фиксируются воротничковые утолщения, характерные для сетчатой керамики Верхнего Прихоперья [23].

По всей видимости, поздняяковские племена, в культуре которых важную роль играл степной компонент срубной культуры, не смогли приспособиться к изменившимся климатическим условиям последней четверти II тыс. до н. э., когда климат стал менее теплым и более влажным, что привело к залесению и заболачиванию ряда территорий. В результате этого этнокультурные традиции поздняяковских племен не нашли развития в последующих культурах и их территории на севере заняли племена культуры сетчатой керамики, а на юге и юго-востоке — аким-сергеевские и атабаевские племена. Видимо, в результате взаимодействия вышеназванных племен произошло сближение их культур, о чем свидетельствует появление ряда сходных признаков на поселениях аким-сергеевского типа и памятниках сетчатой керамики. Так, например, очень близкие аналогии жилищным постройкам поселения с сетчатой керамикой Фефелов Бор отмечаются в специфической форме аким-сергеевских и атабаевских жилищ, имеющих небольшую тамбурную пристройку к торцевой части основного помещения.

Разительным сходством обладают пряслица воронковидной формы, найденные на Шаверском и Аким-Сергеевском поселениях и памятниках с сетчатой керамикой. Наиболее ранние находки подобных пряслиц отмечены именно на востоке, на поселениях с посудой займищенского типа, население которых влилось в атабаевскую культуру. Близкие аналогии прослеживаются и в тех немногочисленных находках каменного инвентаря, которые встречаются на атабаевских, аким-сергеевских поселениях и памятниках с сетчатой посудой.

Вероятно, на основе аким-сергеевских памятников произошло и сложение древностей «тычковой» керамики, которые ряд исследователей включили в бондарихинскую культуру. По мнению В. А. Ильинской, происхождение этой культуры связано с трансформацией памятников марьяновского типа, материалы которых по ряду параметров близки к аким-сергеевским древностям. Ю. В. Буйнов считает, что бондарихинские памятники иллюстрируют процесс развития поздняяковской культуры, племена которой в конце II тыс. до н. э. были вытеснены с территории Волго-Окского междуречья племенами культуры ранней сетчатой керамики [2, с.118].

На наш взгляд, происхождение традиций изготовления тычковой керамики связано не с поздняяковскими, а с аким-сергеевскими керамическими традициями, которые значительно ближе к бондарихинским, чем поздняяковские, поскольку тычковая техника нанесения некоторых мотивов орнамента была характерна именно для аким-сергеевской посуды. Возможно, процессы трансформации указанных традиций иллюстрируют материалы Аким-Сергеевского поселения, где найдена небольшая группа (вторая, согласно В. Н. Шитову) гладкостенных сосудов, украшенных только тычковыми вдавлениями. Эти сосуды имеют плавно отогнутый верхний край венчика и слабо выраженную шейку. Их верхний край либо пристроен с внешней стороны, либо закруглен. Иногда по верху венчика располагается налепной валик. Тулово сосудов обычно украшено разреженными горизонтальными рядами клиновидных вдавлений либо ямками различной формы, которые обычно наносились в тычковой технике. В редких случаях сосуды бывают украшены отпечатками зубчатого штампа [26, с. 173, рис. 6].

По одним признакам данная группа сосудов близка к тычковой керамике бондарихинского типа, по другим — к керамике аким-сергеевского типа. Их общими чертами являются: форма слабо профилированных горшковидных сосудов; оформление венчиков налепными бортиками; орнаментация клиновидными отпечатками и ямчатыми вдавлениями, нанесенными в тычковой технике. Между ними имеются и переходные формы. В частности, на Аким-Сергеевском поселении найдены горшки со слабо отогнутым горлом, близкие по форме к сосудам второй группы со слабо намеченной шейкой. «Бортик» сосудов невыраженный, закругленный, как у сосудов второй группы, но украшен отпечатками зубчатого штампа [3, с. 473, рис. 264, 17, 18]. В заполнении постройки № 3 Шокшинского поселения керамика с тычковой орнаментацией залежала вместе с развалом типичного аким-сергеевского сосуда [3, с. 495, рис. 286, 1, 4, 6, 7]. Тычковая керамика была и в аким-сергеевской коллекции поселения Шаверки 2 [3, с. 490, рис. 281, 4, 6, 8 — 13], что, видимо, тоже не случайно.

Кроме того, между древностями бондарихинской культуры и памятниками аким-сергеевского типа наблюдается частичное совпадение территорий их распространения. Памятники обеих культур встречаются на Верхнем Дону, в бассейнах рек Мокши, Цны и Суры.

Таким образом, древности аким-сергеевского типа сыграли роль своеобразного культурно-хронологического моста между памятниками поздней сетчатой керамики и древностями бондарихинской культуры.

Сделанный вывод позволяет иначе взглянуть и на проблему формирования городецкой культуры. Ее образование не могло осуществиться в поречье Оки только на основе памятников сетчатой керамики, поскольку прямая линия их развития приводит к сложению не городецких, а дьяковских древностей, которые тяготеют к левобережным районам Поочья и бассейну р. Москвы. Таким образом, формирование раннедьяковских древностей проходило на той территории, где население сетчатой керамики не испытывало сильного инокультурного влияния, как это было в правобережном Поочье. Только на тех территориях, где происходили интенсивные контакты между носителями сетчатой и тычковой керамики, протекали процессы сложения городецкой культуры.

Главную роль в формировании городецких древностей В. Г. Миронов и В. И. Вихляев отводят носителям сетчатой керамики, что вызывает ряд возражений. В. И. Вихляев рассматривал процесс сложения городецкой культуры на примере Новопшеневского

городища, материалы которого он отнес к раннему периоду данной культуры [6]. Однако в керамическом комплексе данного памятника есть псевдорогожная керамика, следовательно, он не может относиться ко времени ранее VI в. до н. э., когда процессы сложения данных древностей уже были завершены.

Форма плоскодонных сосудов городецкой культуры существенно отличается от круглодонных горшковидных сосудов, характерных для культуры сетчатой керамики. Общность керамических традиций между данными культурами в основном прослеживается в орнаментации посуды с помощью текстильных отпечатков. Однако, по мнению А. А. Бобринского, орнаментальные традиции, относящиеся к разряду приспособительных навыков изготовления посуды, легче всего перенимаются в ходе этнокультурных контактов и их смена возможна на протяжении одного поколения. Более консервативными являются формы глиняных сосудов [5], а городецкие сосуды по своей форме значительно ближе к формам тычковой керамики.

Процесс формирования керамических традиций городецкой культуры хорошо иллюстрируют материалы Пекшевского городища, которое является одним из наиболее полно исследованных городецких памятников. Раскопками под руководством А. П. Медведева было вскрыто около 2 700 м² культурного слоя, глубина которого достигала 2 м [10]. В нижнем слое Пекшевского городища были собраны две группы керамики: текстильная и гладкостенная с тычковыми отпечатками, изготовленные по единой технологии с использованием примесей дресвы и песка. В обеих группах преобладали горшковидные сосуды с прямым или отогнутым наружу венчиком, тулово которых профилировано в различной степени. При этом среди гладкостенной керамики отмечалась переходная группа сосудов горшковидной формы, имевшая хорошо профилированное округлое тулово и прямой или прогнутый внутрь венчик. Эта группа сосудов абсолютно аналогична керамике с текстильными отпечатками. Стратиграфически она тяготеет к основанию среднего слоя, располагаясь несколько выше остальной гладкостенной керамики. Обе группы керамики объединяет и использование общих элементов орнамента в виде жемчужных и тычковых вдавлений [Там же, с. 69 — 71].

Ряд совпадений в приемах изготовления, а также в формах сосудов тычковой и сетчатой керамики фиксируется и на городецких памятниках Примокшанья. Вместе с тем здесь имеются и определенные различия, которые не позволяют исследователям протянуть прямую генетическую цепочку развития от тычковой керамики к сетчатой посуде городецкой культуры [1, с. 116; 6, с. 204]. Видимо, данный район не относился к основной территории формирования городецких древностей, носители которых появились здесь в уже вполне сложившемся виде. Данной точки зрения придерживается и В. И. Вихляев, который разделяет мнение других исследователей о том, что центр сложения городецких древностей находился в поречье Оки [6, с. 208].

Следует отметить, что, несмотря на длительную историю изучения приокских памятников городецкой культуры, только на трех из них выявлены хорошо стратифицированные слои раннегородецкого времени (Тюков городок, Городецкое и Шишкинское городища). Материалы раскопок данных памятников опубликованы весьма фрагментарно, что значительно затрудняет их интерпретацию. По наблюдениям Б. А. Фоломеева, керамика с тычковым орнаментом залегает в основании культурных слоев целого ряда окских городищ [21 — 22], следовательно, в поречье Оки вполне могли протекать процессы сложения городецкой культуры. Однако данная

территория относится к северной периферии распространения тычковой керамики, поэтому вероятность того, что здесь находился эпицентр формирования городецких древностей, мала. На современном источниковедческом уровне значительно больше оснований для статуса подобного центра имеют раннегородецкие памятники Подонья, где на Пекшевском городище выявлены переходные материалы от древностей тычковой керамики к городецкой. На ранний характер городецких памятников Подонья, на наш взгляд, указывает и значительное преобладание неукрепленных селищ над городищами в пропорции более чем 10:1, что не характерно ни для какой другой территории. По-видимому, значительная часть донских памятников городецкой культуры появилась еще в то время, когда не было необходимости в строительстве защитных сооружений, т. е. в самом начале раннего железного века.

Литература и источники

1. **Алихова А. Е.** Некоторые древние городища Мордовской АССР / А. Е. Алихова // Алихова А. Е. Из древней и средневековой истории мордовского народа : (Археол. сб. Т. 2) / А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Саранск, 1959. С. 98 — 116.
2. **Артеменко И. И.** Бондарихинская культура / И. И. Артеменко // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 116 — 119. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья : в 20 т.).
3. Археология Мордовского края : Каменный век, эпоха бронзы / В. Н. Шитов [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2008. 552 с.
4. Арх. Пенз. краевед. музея. № 12808/18.
5. **Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы : Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. М. : Наука, 1978. 272 с.
6. **Вихляев В. И.** Керамика Новопшеневского городища в Мордовии / В. И. Вихляев // Совет. археология. 1986. № 1. С. 198 — 208.
7. **Вихляев В. И.** Поселение эпохи бронзы Шаверки 2 на Средней Мокше / В. И. Вихляев, В. В. Ставицкий // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2, т. 2. С. 210 — 226.
8. **Городцов В. А.** Результаты археологических исследований 1898 г, произведенных на берегах р. Оки в пределах Рязанской губернии / В. А. Городцов // Археол. изв. и заметки. М., 1899. № 6, 7. С. 181—201.
9. **Ледяйкин В. И.** К вопросу о происхождении городецкой культуры / В. И. Ледяйкин // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 33 — 41. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 45).
10. **Медведев А. П.** Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале раннего железного века / А. П. Медведев // Рос. археология. 1993. № 4. С. 65—77.
11. **Мионов В. Г.** Городецкая культура: состояние проблемы и перспективы ее изучения / В. Г. Мионов // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4. С. 68 — 89.
12. **Мионов В. Г.** Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 23 с.
13. **Рыков П. С.** Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам) / П. С. Рыков. Саратов : Саратов. краевое изд-во, 1936. 152 с.
14. **Смирнов А. П.** Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / А. П. Смирнов. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 275 с. (МИА ; № 28).
15. **Смирнов А. П.** Городецкая культура / А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. М. : Наука, 1965. 40 с. (Археология СССР : Свод археол. источников ; вып. Д 1-14).
16. **Ставицкий В. В.** Бронзовый век Посурья и Примокшанья / В. В. Ставицкий. Пенза : Изд-во ПГПУ, 2005. 160 с.
17. **Степанов П. Д.** Хвалынские городища / П. Д. Степанов // Тр. / Саратов. обл. музей краеведения. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 50 — 89.

18. Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная датировка археологических памятников бассейна Средней Оки / Л. Д. Сулержицкий, Б. А. Фоломеев // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993. С. 42 — 55.
19. Трубникова Н. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры / Н. В. Трубникова // КСИИМК. М., 1959. № 75. С. 163 — 168.
20. Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры / Н. В. Трубникова // Тр. / ГИМ. М., 1953. Вып. 22. С. 63 — 96.
21. Фоломеев Б. А. Окские городища / Б. А. Фоломеев // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993.
22. Фоломеев Б. А. Шишкинское городище / Б. А. Фоломеев // Древности Оки. М., 1994. Вып. 85. С. 138—157.
23. Хреков А. А. К вопросу о памятниках финальной бронзы лесостепного Волго-Донского междуречья / А. А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края : Охран. исслед. в 2001 г Саратов, 2003. С. 103 — 128.
24. Циркин А. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии / А. В. Циркин // Совет. археология. 1979. № 3. С. 82 — 90.
25. Шилов В. П. Раннежелезный век Поволжья / В. П. Шилов // Тез. докл. на конф. по археологии и древ. и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г Казань, 1956.
26. Шитов В. Н. Поселение эпохи бронзы у с. Аким-Сергеевка / В. Н. Шитов // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 165 — 175. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 48).

Поступила 18.12.2009 г.

УДК 902

А. В. Расторопов

А. V. Rastoropov

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

TO THE STUDY ON THE IMENKOVIAN CULTURE AREAL

Ключевые слова: ареал, именьковская археологическая культура, Среднее Поволжье, Самарская Лука, река Белая, Посурье, этнокультурная история.

Именьковская культура является одной из проблемных археологических культур раннего Средневековья на территории Восточной Европы. Проблема ее ареала тесно связана с вопросами ее формирования и происхождения, хронологией существования локальных вариантов и этнокультурной интерпретацией судьбы населения. Эти проблемы являются полем острых научных дискуссий не один десяток лет.

Key words: areal, the Imenkovian archaeological culture, the Middle Volga region, Samara bend, the Belaya, the Sura region, ethnocultural history.

The Imenkovian culture is one of the problematic archaeological cultures of the early Middle Ages in Eastern Europe. The problem of its areal is closely connected with questions of formation and origin, with the chronology of its local versions, with ethnocultural interpretation of the population fate. These problems are the field of heated scientific debates during more then one decade.